

[Н. Я. НИКОЛАДЗЕ]

«Народное дело»

Нашим читателям, вероятно, уже известно, что с 1-го сентября выходит в Женеве в типографии г. Элпидина¹ и Ко (24. Terrassiere), новый русский журнал «Народное дело», имеющий издаваться два раза в месяц в объеме одного или двух листов большого in-8°. Отличительное качество этого журнала, сразу ставящее его особняком от прочих заграничных русских изданий, состоит в том, что он намеревается быть почти исключительно *журналом пропаганды* и предпринять *постановку* в России *революционных вопросов*.

Наша «Современность» пытается занять в заграничной русской литературе совершенно иное место: она старается, насколько ей позволяют средства и ограниченность материалов, находящихся у ней под рукой, быть обзором и отражением текущей жизни, и представлять читателям картину не своих стремлений и идеалов, а действительное положение вещей и ход общественных дел в России и Европе. Чем лучше будет выполняться нами такая программа, чем вернее будет обрисована нами картина действительности, тем ощутительнее будет становиться и для нас и для читателей необходимость поставить рядом с нашими очерками эскизы того, что лучше и выгоднее для общества; иными словами, обрисовка действительности должна идти рука об руку с критикой этой действительности и с предложениями попыток изменить ее в тех частях, изменение которых подлежит воле человека.

Эта настоятельная потребность не ограничиваться одним лишь только отражением современности, слишком сильно ощущалась нами и мешала нам сосредоточить наши усилия на воспроизведении современной общественной жизни. Волею неволею нам приходилось переходить поставленные нами границы нашей деятельности, что немало затрудняло нашу работу и отдаляло достижение нашей цели.

Понятно, следовательно, какое живое участие должна вызывать в нас всякая попытка основать за границей орган пропаганды, и с каким вниманием — скажем прямее, с каким попечением — должны мы относиться к такому органу. Мы сознательно отказались высказывать свои теоретические убеждения и взгляды, потому только, что подготовительная работа для проведения этих взглядов — выяснение современного положения вещей — была совершенно не затронута нашими деятелями, а без этой предварительной подготовки теоретическое обсуждение всяких вопросов рисковало затеряться в тумане абстракции и не иметь ни малейшего влияния на умы читающей публики. Поэтому для нас далеко не равнодушный вопрос — как будет выполняться другими та роль, от которой мы вынуждены были отказаться, и будут или не будут пропадать даром наши усилия готовить почву для осмысленной пропаганды дорогих нам воззрений.

Наша читающая публика слишком слабо знакома с природою общественных дел. Мы взялись представлять ей, в более или менее обработанной форме, простые факты из действительной жизни, предоставляя другим или отлагая до поры до времени знакомить ее с «философиею» общественной науки. Но всякий добросовестный учитель ботаники, например, заинтересован в том, чтобы дальнейшее преподавание его ученикам естественных наук соответствовало его предварительным урокам; он внимательно следит за методом профессоров, взявшихся обобщать разработанные им факты и делать из них выводы, применяющиеся ко всей ботанике, а подчас и ко всем естественным наукам. И очень часто случается, что учитель ботаники, взятый нами для примера, достигает своей цели установлением правильной гармонии в преподавании естествознания.

Точно такова ж и наша роль в заграничной литературе; точно таким же образом обязаны мы заботиться о том, чтобы та часть публицистики, которая берется пропагандировать обобщения и выводы общественной науки, вела свое дело разумно и успешно и сумела достигнуть своей цели — ознакомления публики с здравым взглядом на общественные отношения и народную жизнь. Такое ж будет и наше отношение к «Народному делу».

Мы решительно не желаем возбуждать полемики с этим журналом; но уже в своем первом номере «Народное дело» затронуло — по нашему мнению неосновательно — несколько пунктов, по поводу которых мы очень легко можем исправить его промахи: без промахов же, как известно, редко когда обходится начинающий журнал. Эти пункты могут показать, кроме того, в чем мы расходимся с «Народным делом», и мы надеемся, что очевидно юные и неопытные

авторы «Народного дела» примут в соображение наши замечания, чтобы впредь не портить дела совершенно ненужными крайностями и отвлеченным «парением» в превысшренных сферах философии.

Отрицая правительственные реформы и исходя из положения, что правительственная роль пагубна для счастья народа, «Народное дело» с размаху доходит до отрицания государственности и государства. Это отрицание повторяется в 1 номере что-то вроде десяти раз, потому его нельзя оставить без оговорки. Мы представим «Народному делу» пример следующего рода: в 1867 году собрался в Женеве конгресс с очевидно революционными целями, с крайними воззрениями и с самою невозмутимую решимостью не оставить и камня на камне в современном правительственном механизме. Но так как не все члены этого конгресса, отвлекаемые от дела разнообразными личными или общественными целями, могли уделять достаточно времени для приведения в исполнение своих замыслов, то они учредили из нескольких лиц постоянный комитет, которому предоставлено было вести дело революции, изыскивать средства для торжества этого дела и раз в год давать отчет собранию всех членов. Вот в малых размерах изображение роли государства: Постоянный комитет — это правительство, государство, все что хотите; он — олицетворение коллективной силы всех членов общества, обязанное выполнить раз определенную программу. Отрицать государство значит отрицать постоянный комитет «Лиги Мира и Свободы»², значит отрицать вообще выгоду или удобство передачи ведения ассоциационных дел двум-трем доверенным членам общества. К чему эта крайность? Можно находить, что данный комитет, данное правительство, существует незаконно, ведет дела во вред обществу, держится силою штыков или подкупа, а не согласием членов общества, — все это возможно. Но выводить из этого, что роль вообще делегаций не нужна или вредна, значит говорить вещи несообразные ни с логикою, ни даже с здравым смыслом. Впрочем, сотрудники «Народного дела» не поверят нам на слово, — поэтому рекомендуем им прочесть статью Чернышевского: «Экономическая деятельность и законодательство» («Современник», 1859, № 2), из которой они легко увидят, в чем состоит как роль правительства, так и обязанности, выпадающие на долю «государства» и общества.

Выходки против «государства» совершенно безвредны: они убивают только доверие читателей, к сожалению не к правительству или государству вообще, а к редакции «Народного дела». Гораздо важнее те возражения, которые выдвигаются «Народным делом» против современной науки. «Народное дело» додумалось, что уничтожение народной религии — вещь необходимая, и поэтому ставит

в обязанность науке, во имя народа, уничтожать народные верования и провозглашать небытие бога. Сообразно с этою обязанностью науки, «Народное дело» делит современных ученых на *апостолов революции* и на *нереволюционеров*. К несчастью, научные познания «Народного дела», как и его философские сведения, немножко спутаны. Оно ставит на одной доске имена Бюхнера³, Карла Фогта и Молешота⁴ (апостолов революции), а на другой имена Бокля⁵, Дарвина⁶, Льюиса⁷, Г. Спенсера⁸ и Д. С. Милля⁹ (нереволюционеров). Такое деление ученых на овец и козлищ революции может уронить доверие публики к редакции «Народного дела». Кто, например, не знает теперь, что Бюхнер, а вместе с ним и Спенсер принадлежат к числу метафизиков и стоят в истории философии на одной доске с приверженцами и основателями сенсуализма, витализма, спиритуализма, анимизма, материализма и т. п. односторонних систем?¹⁰ И кому, с другой стороны, не известно, что Карл Фогт, Молешот, Дарвин и Бокль принадлежат к разряду тех ученых, которые раз навсегда изгнали из науки всякие метафизические вопросы и принялись за исследование и обобщение явлений физической и нравственной природы, чтобы постигнуть последовательность этих явлений? В уме редакции «Народного дела» произошла ошибка только потому, что Фогт и Молешот нередко приправляют свои научные исследования и выводы сарказмами против спиритуалистов, а Бокль и Дарвин занавешивают свои выводы более или менее почтительным отношением к верованиям своих английских читателей. Но для людей науки и для разумных читателей ни сарказмы немецких ученых, ни оговорки английских не имеют ни малейшего научного значения: они не что иное, как фиоретюры¹¹, украшения стиля, — и делать из них отличительные качества для классификации писателей непозволительно даже невежам в деле науки.

В философии естествознания, со времени Бэкона¹², с каждым днем все более и более утверждается так называемый положительный, позитивный метод, отчасти принимавшийся и Кантом. Этот метод теперь ставится в заслугу Огюсту Контю¹³, хотя роль этого мыслителя состояла, как он сам признается, только в формулировании мысли, давным-давно сделавшейся достоянием и правилом науки. Этот метод основан на взгляде, что нашему пониманию доступна не сущность наблюдаемых нами фактов, не причины их взаимных отношений, а только явления, возникающие при перемене отношений между самими фактами. В этих явлениях мы можем постигнуть не их причину или суть, а только внешнюю последовательность или преемственность: то есть мы можем увидеть, что при известных обстоятельствах возникают известные явления. Последовательный

ряд явлений, находящихся в соответствии с рядом обстоятельств, из которых возникают эти явления, дает нам понятие о законах явлений. Эту-то последовательность и должна отыскивать наука, не вдаваясь в бесплодные прения о сущности или природе самих явлений и фактов.

Вся современная наука, начиная от Бэкона, держится на этом методе и двигается вперед только благодаря ему. Этому методу обязаны мы успехами естествознания, в том числе и деятельностью «апостолов революции», за исключением Бюхнера. И вдруг философы «Народного дела» отважно требуют, чтобы ученые, имеющие поползновение на титул «апостолов революции», отказались от этого метода и «на всенародном языке (sic) назвали себя *атеистами* и *материалистами*», потому дескать, что «одного допущения наукою *возможности* существования бога действительного, хотя и недоступного для самой науки, достаточно, чтобы, с одной стороны, утвердись в сердцах непросвещенных людей царство этой идеи, а следовательно — и рабство людей, и чтобы, с другой стороны, уничтожить самую возможность науки». Как будто авторитет ученых основан не на тех же неопровержимых для всех ощутительных данных, которыми они разрушают ветхое здание метафизики, а на ничем неоснованных заявлениях о бытии или небытии бога!

Требовать от науки, чтобы она поставила своею целью уничтожение народной религии путем прямого провозглашения о «небытии» бога, значит желать, чтобы она в обратном смысле сделала тот же самый промах, который сделал Кант. Если философы «Народного дела» позволят нам пополнить их философские сведения, мы напомним им следующий факт. Исходя из мысли, что нам недоступны сами вещи по себе (существование которых, скажем к слову, допускалось Кантом), а только их внешнее проявление, то есть то, что приписывается им нашим воображением и нашими чувствами, Кант дошел в «Критике *чистого* разума» до отрицания бога и всех религиозных и нравственных представлений человека. Но затем, в «Критике *практического* разума» и в «Критике способности суждения», Кант принялся за дело совершенно иным способом: он поставил своею исходною точкою мысль, что в человеке существует «нравственный закон» (абсолютный и гипотетический *императив*), и путем логических умозаключений вывел из этого существование бога и всяких его атрибутов. Пусть теперь «Народное дело» скажет, положи руку на сердце, какое из означенных трех сочинений имело самое большое значение в истории философии и умственного развития общества, и пусть оно докажет, если может, неосновательность нашего заявления, что только «Критика *чистого* разума» произвела

поворот в философии, и только она оказала громадную услугу делу человеческого развития. Причиной этого влияния была именно исходная точка кантовых умозаключений — положительность его посылок и доказательств. Современная наука держится в гораздо сильнейшей степени того же метода, еще более усовершенствованного успехами человеческого ума. И если б теперь она последовала примеру Канта и совету «народного дела» и принялась трактовать о несуществовании бога, то все ее рассуждения и доказательства, необходимо основанные на метафизических данных, провалились бы так же бесплодно и бесследно, как позднейшие произведения Канта, и именно потому, что они не имели бы ни малейшего научного основания, а держались бы только на чрезвычайно шаткой посылке, выписанной нами из «Народного дела». А между тем этого именно и хочет статья «Народного дела» «Наука и народ».

Делать такие неловкие вылазки — по меньшей мере бесполезно. Существенный же вред от них тот, что люди, беспристрастно относящиеся к различным воззрениям, скажут: «что это за допотопные люди, восстающие против очевидных научных истин и требующие, чтобы наука, с трудом вылезая из-под пеленок метафизики, начала крестовый поход, вооружившись доспехами этой же самой метафизики?» И затем эти беспристрастные люди скажут: «вероятно, дело социальной революции на самом деле покончено, если революционеры и социалисты питают такие нелепые замыслы». К чему оказывать своему делу такие медвежьи услуги? И неужели социалисты и революционеры не могут предъявить науке иных требований во имя народа и народного блага? Или «Народное дело» не подозревает возможности таких разумных требований?

Затем мы находим в программе «Народного дела», наряду с различными более или менее похвальными возжеланиями, которые мы могли бы продолжить до бесконечности, вроде того, что «мы хотим освобождения женщин от бессмысленного обычая носить в чреве детей в течение девяти месяцев», или что «мы — враги засухи, и хотим освобождения народа от наводнений» и т. д., мы находим, говорим мы, следующую мысль: «основой экономической правды мы ставим два коренные положения: земля принадлежит только тем, кто ее обрабатывает своими руками — земледельческим общинам. Капиталы и все орудия работы работникам — рабочим ассоциациям». Дело не в том, чьей собственностью мы считаем ту или другую вещь. Мы возьмем вторую часть «экономической правды» и покажем, сколько в ней самой мало правды. Ассоциация механиков-рабочих выработала скоропечатную машину. Как продукт труда эта машина есть *капитал* и принадлежит, по точному смыслу «экономической

правды», ассоциации механиков. Но та же самая машина, *как орудие труда*, в силу той же «экономической правды» должна принадлежать ассоциации типографчиков. Вот вы и разберите теперь, на основании второго коренного положения «экономической правды», какая ассоциация рабочих имеет «право» на скоропечатную машину. Дело общественной экономии — установить такие отношения, чтобы выработанный механиками пресс, безобидно для механиков, мог бы быть передан ассоциации типографчиков, и чтобы в этой последней ассоциации не было паразитов или привилегированных членов. Вот на что должны направиться усилия людей, желающих подвинуть вперед общественную экономию. А ставить такие «коренные положения», которые ничего не разъясняют, а напротив того, все затемняют, может всякий, кому только это взбредет в голову. И в этом заслуги никакой нет.

Повторим еще раз, мы делаем все эти замечания потому только, что заинтересованы в успехе «Народного дела» и горячо желаем этого успеха. Мы льстим себя надеждою, что «Народное дело» примет наши замечания с надлежащим вниманием и в своих будущих номерах, помня разумное правило — «пофилософствуй, ум вскружится», примется за разработку «правительственных реформ», первая статья о которых, помещенная в 1 №, служит нам речательством в добросовестном и отчасти дельном отношении их автора к разбираемому предмету. Пользуемся этим случаем, чтобы обратить на нее внимание наших читателей.

ЖИЗНЬ ЕВРОПЫ

(Конгресс «Лиги Мира и Свободы»)

На будущей неделе соберется в Берне второй конгресс «Лиги Мира и Свободы». Красноречию ораторов этого конгресса, можно надеяться, не будет границ ни конца. Мы снова услышим возгласы против гнусного деспотизма, воззвания к миру и свободе, рассуждения о вреде войн и постоянных войск, прения о пользе света и, чего доброго, глубокомысленные соображения о том, что не следует ходить вниз головой или дышать зараженным воздухом.

Все это мы знаем, о великие спасители всевозможных отечеств! И вашим слушателям не хуже вашего известно, что война — вредная, а чистый воздух — полезная вещь. Просветите вы нас лучше о том, что нужно сделать, чтобы войны перестали быть необходимостью, как избавиться от постоянных армий, чем вознаградить промышленность, имеющую разориться от обезоружения; дайте нам практические советы, а общие фразы мы сами знаем, ей богу,

лучше вас и ваших друзей. В вас кипит жажда деятельности, желание принести пользу народу, избавить его от тягостей, давящих, сумеете ж сделаться достойными служителями ваших благих намерений, сумеете сделать шаг для их осуществления. От вас ждут не бессмысленных возгласов, не компромиссов, а серьезной, глубокомысленной, всесторонней практической разработки *вопроса об умиротворении общества*. Нет на свете задачи важнее и доблестнее этой. Старайтесь же, ради всего священного для вас, придвинут хоть на капельку ее разрешение, и избегайте как чумы ничего не говорящих, ни к чему не приводящих общих формул и фраз. Ничего, кроме беславия в глазах разумных людей, эти формулы и фразы не могут доставить вам. А влияние на массы, вещественной и моральной силы вы достигнете только тогда, когда сумеете приготовить и предложить обществу полный, всесторонне обдуманный до тонкостей, до мелочей, проект всеобщего умиротворения.

И когда вы выработаете этот проект, не ждите ему немедленного торжества: следите тогда за жизнью и пользуйтесь промахами и бессилием ваших противников, чтобы капля по капле, слово за словом убедить общество в полезности и неизбежности применения вашего проекта. Трудна эта работа, но если вы сумеете выполнить ее, человечество поставит вас в числе величайших своих благодетелей. Поймите вы это и не теряйте времени на минутные аплодисменты: они разлетаются как дым, и на следующий день от них не остается ровно ничего.

Впрочем, к чему все эти увещания? Разве кто-нибудь обратит внимание на наши слова? Разве поймут их русские члены постоянного комитета «Лиги Мира и Свободы»? И кто мы, чтобы позволять себе держать такую речь? Кем мы призваны, кем мы уполномочены на это? И к чему расточать искренность, когда ничего, кроме плечопожатий, она не вызовет и вызвать не может? Не лучше ли остановиться на сказанном и прекратить прилив искренности на полдороге?

Р. S. В 1 № «Современности» мы представили очерк об обезоружении. Просим тех из наших читателей, которые сохранили этот номер, просмотреть содержание первой статьи «Жизнь Европы»: тогда они вынесут из прений конгресса совершенно иное впечатление и, может быть, оправдают помещение в «Современности» настоящей заметки, которая сама по себе совершенно бесполезна.

